

Observatoire ARGA

Отчёт по санкциям и комплаенсу за 2025 год

ЖЕНЩИНЫ В АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМАХ
Гендерные Преследования, Корпоративные Войны,
Цифровое Насилие и Международная Защита

Автор:

Сергей Храбрых — президент ARGA, PhD

Организация: Observatoire ARGA – подразделение по санкциям и комплаенсу

Адрес для корреспонденции: 14 rue Jacques Laffitte, Байонна, 64100

Контакты: info@argaobservatory.org

Париж, 14 ноября 2025

Оглавление

<i>Резюме</i>	3
<i>1. Методология</i>	4
<i>2. Введение: гендер как фактор риска в авторитарных системах</i>	5
<i>3. Типологии преследований женщин</i>	6
3.1. Политические преследования	6
3.2. Экономические и корпоративные преследования.....	6
3.3. Семейные конфликты как инструмент государства	7
3.4. Давление через супругов и партнёров	7
3.5. Гендерно-ориентированное насилие как метод политического контроля	7
3.6. Цифровое насилие и киберпреследование.....	7
<i>4. Региональная карта гендерных рисков</i>	8
4.1. Россия.....	8
4.2. Казахстан.....	8
4.3. Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан	9
4.4. Азербайджан	9
4.5. Грузия и Армения.....	9
<i>5. Case Studies</i>	10
Case 1 — Женщина как ключевой свидетель в политико-экономическом деле	10
Case 2 — Предпринимательница как мишень корпоративной войны.....	10
Case 3 — Whistleblower, преследуемая за раскрытие коррупции.....	11
<i>6. Международно-правовые рамки защиты женщин</i>	12
1. CEDAW — Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин	12
2. Европейская конвенция по правам человека (ECHR) — ст. 2, 3, 5, 8, 14	12
3. UNCAT — Конвенция против пыток и жестокого обращения	13
4. Istanbul Convention — защита от физического, психологического и цифрового насилия	13
5. UN WGAD, спецдокладчики ООН (SR Torture, SR Violence Against Women, SR HRDs)	13
<i>7. Прогноз 2025–2027</i>	14
<i>8. Рекомендации ARGА Observatory</i>	15
8.1. Международным структурам.....	15
8.2. Судам ЕС, Великобритании и США	17
8.3. Академии и исследовательским центрам	18
<i>9. Заключение</i>	20
<i>Источники</i>	21

Резюме

Женщины в авторитарных, кланово-олигархических и гибридных режимах Евразии сталкиваются с уникальной формой политико-силового преследования. В отличие от классических кейсов, где основными объектами репрессий выступают мужчины-политики, бизнес-элиты и активисты, женщины подвергаются двойному давлению: как политические субъекты и как уязвимая социальная группа, против которой применяются методы, выходящие за рамки стандартных инструментов принуждения.

С конца 2010-х годов усилилась новая конфигурация давления, включающая:

- уголовные дела и фабрикация обвинений против женщин-предпринимателей, юристов, журналисток, исследовательниц;
- гендерно-специфическое давление спецслужб, включая угрозы сексуализированного насилия, обесценивание, унижение, шантаж интимной информацией;
- корпоративные атаки в бизнес-конфликтах, где женщина используется как уязвимое звено для давления на мужчину-партнёра/владельца компании;
- кибертравлю, цифровой харассмент и deep-fake дискредитацию, направленную на разрушение репутации и изоляцию от социальных структур;
- манипуляции детьми и семьями как инструмент принуждения — лишение родительских прав, запреты на выезд, удержание детей внутри страны;
- трансграничные преследования через Интерпол, экстрадиционные запросы, MLAT-поручения, заморозку банковских счетов;
- давление через корпоративные и политико-экономические конфликты, включая “наказание через собственность”, рейдерство, лишение бизнеса.

Женщина становится не просто объектом репрессий — она одновременно представляет угрозу для режима как носитель внутренней информации и удобную мишень для давления как более социально уязвимая фигура.

ARGA Observatory фиксирует системный тренд:

1. женщины становятся центральными фигурами политико-экономических дел, особенно когда они имеют прямой доступ к корпоративным архивам, финансовым документам, сведениям о коррупции;
2. гендерное преследование всё чаще носит трансграничный характер, включая преследование за рубежом, цифровые атаки, международные запросы;
3. международная защита женщин требует отдельной правовой архитектуры, так как стандартная система refugee-статусов и Interpol-процедур не учитывает гендерные механизмы давления.

Доклад формирует аналитическую модель, позволяющую выявлять такие преследования, систематизировать доказательства и разрабатывать международные механизмы защиты — от правозащитной экспертизы до обращения в CCF, UN WGAD, ЕСПЧ, UN Women и механизмов Gender-Asylum. Этот документ — базовый фундамент для реформ системы международной защиты женщин, подвергающихся политико-экономическому преследованию в странах Евразии.

1. Методология

Методология исследования опирается на междисциплинарный подход и объединяет правовой анализ, криминологию, гендерные исследования, изучение транснациональных силовых практик и цифровой безопасности. Целью было выявить структурные закономерности преследований женщин в авторитарных системах, зафиксировать механизмы давления и определить международно-правовые инструменты защиты.

Доклад основан на следующих источниках и аналитических направлениях:

1. Анализ дел женщин-политзаключённых и предпринимательниц, подвергшихся уголовному преследованию, корпоративному рейдерству, силовому давлению или трансграничным попыткам экстрадиции. Использовались материалы судов, адвокатские заключения, показания потерпевших и процессуальная документация.
2. Данные международных правозащитных организаций, включая UN Women, OHCHR, Amnesty International, Human Rights Watch, содержащие сведения о пытках, дискриминации, гендерном насилии и насильственных преследованиях в Евразии. Эти источники применялись для сопоставления национальной практики с глобальными стандартами защиты.
3. База из 76 эмпирических кейсов (2016–2025 гг.), включающая истории преследования женщин в России, Казахстане, Азербайджане, Узбекистане, Кыргызстане, Грузии и Белоруссии. По каждому кейсу фиксировались фабула обвинений, связь с корпоративными или политическими конфликтами, угрозы семье, цифровое давление и международная динамика.
4. Материалы о семейных и корпоративных конфликтах, в которых женщины становились инструментом давления на бизнес-партнёра, собственника активов или whistleblower внутри корпорации. Анализ включал изучение случаев незаконного лишения детей, давления через разводы, экономических санкций внутри семьи.
5. Исследование Interpol Abuse в отношении женщин, включая красные уведомления, diffusion-рассылки, MLAT-запросы, а также случаи, когда экономические статьи использовались как юридическое прикрытие политической мотивации.
6. Изучение цифрового насилия, включающее киберпреследования, взлом устройств, deepfake-порнографию, распространение личных данных, цифровой шантаж, слежку через spyware и OSINT-доксинг.
7. Исследования ARGV Observatory (2020–2025) по теме гендерной безопасности, политико-экономических преследований и международных механизмов правовой защиты женщин, дополнявшие сравнительный и структурный анализ.

Методология направлена не только на документирование нарушений, но и на выявление повторяющихся паттернов, что позволяет формировать предсказательную модель рисков и проектировать механизмы международной защиты женщин, преследуемых авторитарными государствами.

2. Введение: гендер как фактор риска в авторитарных системах

В авторитарных и полуавторитарных режимах Евразии гендер перестал быть социальной характеристикой и превратился в политико-правовой триггер, определяющий степень уязвимости человека перед государством. Женщины в таких системах чаще становятся не субъектами, а узлами принуждения, через которые власти получают рычаг воздействия на мужчин — предпринимателей, чиновников, силовиков, оппозиционных деятелей или владельцев активов. Тем самым женщина формально может не быть участником конфликта, но фактически оказывается в эпицентре давления, выполняя роль посредника, заложника или инструмента переговоров.

Гендерная уязвимость не случайна и не вторична — она встроена в политико-экономический механизм авторитарных государств. Женщины вовлекаются в преследования как фигуранты уголовных дел, свидетели коррупционных схем, бенефициары активов и хранители семейных финансовых связей. Часто они становятся объектом давления через детей, угрозы сексуализированного насилия, домашний арест, цифровое унижение и кампании публичной дискредитации. При этом угрозы направлены не столько на женщину, сколько на того, кого власти хотят сломать или заставить к уступкам — бизнес-партнёра, политического противника, владельца доли, высокопоставленного фигуранта дела.

Особенно уязвимыми оказываются женщины-владельцы бизнеса, аналитики, whistleblowers, адвокаты и участницы корпоративных структур, чьи знания и доступ к информации могут повлиять на силовой баланс. Для государств и олигархических кланов такие женщины представляют двойную угрозу: они могут публично вскрыть схемы незаконного вывода капитала, силовых рейдерств, криптофинансирования, международного лоббизма. Поэтому преследования носят не только карательный, но и превентивный характер — задача репрессии заключается в том, чтобы женщина не передала информацию, не дала показаний, не подала жалобу в европейский суд, не стала источником утечек для международных СМИ.

При этом международная система защиты не адаптирована к новой реальности. Гендерные преследования часто замаскированы под семейные споры, налоговые конфликты, корпоративные претензии и даже бытовые правонарушения. Такие дела плохо распознаются европейскими судами как политические, не проходят порог признаков преследования, и женщины остаются без защиты. Это создаёт юридический вакуум, в котором женщина не подпадает под классический статус политического беженца, но одновременно подвергается системному преследованию и риску физического насилия.

В ряде случаев женщина становится единственным уязвимым сегментом элиты, к которому имеют доступ силовые органы, особенно если основной фигурант уже находится за границей или получил политическое убежище. В таких ситуациях на женщину оказывается давление через уголовные дела, обыски, конфискацию имущества, угрозы лишения родительских прав, блокировку счетов, ограничения на выезд. Таким образом, гендер используется как канал экстерриториального влияния на мужчину, а

женщина становится инструментом торга между государством и политической/корпоративной элитой.

Таким образом, гендер в авторитарной системе — это не второстепенный социальный параметр, а стратегический механизм давления и управления капиталом, лояльностью и информационными потоками. Женщина превращается из участника конфликта в системный носитель риска, и защита от такого давления требует новых международно-правовых инструментов, выходящих за рамки классической модели беженства.

3. Типологии преследований женщин

Преследование женщин в авторитарных режимах не является побочным явлением. Это — структурный механизм политико-экономического контроля, включающий несколько устоявшихся моделей. Каждая из них используется целенаправленно и воспроизводится в разных странах Евразии, что позволяет говорить о типологии, а не о наборе изолированных кейсов.

3.1. Политические преследования

Женщины подвергаются уголовному преследованию как:

- участницы протестных движений,
- координаторы инициатив гражданского сопротивления,
- публичные лица, критиковавшие власть,
- а также родственницы и партнёры политических активистов.

Репрессии направлены не только на наказание, но и на подавление протестного потенциала. Женщин используют как *демонстративную цель*: их задержания вызывают большой общественный резонанс, а угрозы сексуализированного насилия усиливают эффект устрашения.

3.2. Экономические и корпоративные преследования

Женщины, владеющие активами, совладельцы бизнеса или супруги предпринимателей, становятся целями:

- уголовных дел о «мошенничестве» и «уклонении от налогов»,
- рейдерских атак,
- попыток перераспределения собственности через суд.

В корпоративных войнах женщины часто оказываются инструментом косвенного давления на бенефициаров бизнеса, если основной объект находится за рубежом или обладает иммунитетом. Пример типовой схемы: инициирование дела против жены → заморозка активов → требование передачи доли или подписания отказа от собственности.

3.3. Семейные конфликты как инструмент государства

Семейное право становится зоной политической манипуляции. Используются:

- уголовные дела о «жестоком обращении» без доказательств,
- лишение родительских прав как инструмент давления,
- возбуждение дел по бытовым эпизодам как предлог для задержания.

Цель — сломать волю, изолировать женщину и создать рычаг влияния на мужчину. Нередко мы фиксируем модель *hostage family doctrine*: когда дети становятся заложниками переговоров между государственными структурами и политической или экономической целью.

3.4. Давление через супругов и партнёров

Силовые органы преследуют женщин не как фигурантов, а как *носителей доступа к основной цели*. Механизм строится по цепочке:

уголовное дело против мужа → обыски и задержания жены → давление для выдачи документов, доступа к активам или информации.

Женщина становится посредником, через которого власть пытается вернуть капитал, получить показания или сломать сопротивление. Это одно из наиболее распространённых явлений в Казахстане, России, Азербайджане и Беларуси.

3.5. Гендерно-ориентированное насилие как метод политического контроля

Угрозы сексуализированного насилия — системный механизм управления женщинами. Они включают:

- угрозы изнасилования на допросах,
- реальные случаи физического принуждения,
- угрозы расправы в случае обращения за помощью за рубеж.

В отличие от мужчин, угрозы сексуального характера имеют более сильный психологический эффект, что делает их эффективным орудием давления. На международном уровне это квалифицируется как пытка.

3.6. Цифровое насилие и киберпреследование

С развитием техники цифровое давление стало ключевым элементом преследования. Фиксируются:

- взлом смартфонов и Telegram/WhatsApp-аккаунтов,
- мониторинг геолокации и переписок,
- публикация личной информации и «слив интимных фото»,
- deepfake-компромат.

Цифровое преследование используется как инструмент разрушения репутации, социальной изоляции и подавления активности женщины в публичном поле. В ряде случаев такие атаки координируются с силовыми ведомствами.

4. Региональная карта гендерных рисков

Гендерное преследование в авторитарных системах Евразии носит неоднородный характер, однако везде сохраняется общая закономерность: женщины используются как инструмент контроля, давления и обмена в политических, экономических и силовых конфликтах. Разница между странами заключается в доминирующем механизме репрессий — от уголовных дел до цифрового насилия, от семейных манипуляций до прямого принуждения к сотрудничеству.

4.1. Россия

Россия — крупнейший регион формирования женских политических и экономических кейсов в постсоветском пространстве. Здесь фиксируются:

- преследования женщин-активисток и оппозиционных журналисток, участвовавших в митингах или связанных с правозащитными сообществами;
- уголовные дела и обыски в отношении жён политзаключённых — давление строится на принципе заложничества семьи;
- фабрикация дел против предпринимательниц, владеющих активами, которыми интересуются силовые структуры или конкуренты;
- экономическое давление через женщин, если основные фигуранты (мужья/партнёры) находятся за границей.

Женщины становятся уязвимым звеном в конфликтах между государством и бизнесом, особенно когда речь идёт о репатриации капитала, корпоративных войнах и «делах о госизмене» на экономической основе.

4.2. Казахстан

В Казахстане женские преследования чаще всего связаны с экономикой и элитной конкуренцией.

Здесь фиксируются:

- дела против жён бизнесменов в рамках «возврата активов», запущенного после политической перестройки 2022 года;
- давление на супруг жён бывших чиновников, ставших объектом преследования со стороны кланов и силовых групп;
- угрозы детям и родственникам как инструмент давления при экстрадиции или попытках вернуть капитал;
- случаи, когда женщин принуждают к передаче собственности или показаний.

Гендер используется как рычаг давления в корпоративных конфликтах и борьбе за ресурсы.

4.3. Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан

Наиболее жёсткие формы принуждения фиксируются в Центральной Азии. Здесь гендерная специфика опирается не только на властное давление, но и на традиционные и патриархальные нормы, которые используются государством как механизм репрессий.

Ключевые угрозы:

- уголовные дела против предпринимательниц, активно участвующих в бизнесе или обладающих контрольными долями;
- применение гендерных стереотипов в суде — «аморальное поведение» как основание уголовного давления;
- сексуализированное насилие в местах лишения свободы, зафиксированное в ряде правозащитных отчётов;
- использование детей и опеки как инструмента подчинения женщины.

В этих странах женщина может быть наказана не за действие — а за сам факт независимости.

4.4. Азербайджан

Одни из наиболее агрессивных форм давления на женщин наблюдаются в Азербайджане, особенно в делах, связанных с политико-коррупционными сетями.

Здесь применяется:

- уголовное преследование женщин ради давления на мужчин — фигурантов крупных дел;
- женщины привлекаются как свидетели и «носители улик», их заставляют давать показания под угрозой ареста;
- медиа-кампании дискредитации, включающие сексуализированные нарративы;
- преследования женщин в делах, связанных с нефтегазовыми активами и госинвестициями.

Женщина используется как точка входа в политический конфликт.

4.5. Грузия и Армения

В странах Южного Кавказа доминируют цифровые и финансово-экономические методы давления.

Фиксируются:

- взломы телефонов, публикация личных данных, фейковые интимные материалы, направленные на разрушение репутации;
- давление через криптовалютные операции и финтех-каналы, когда женщину обвиняют в пособничестве финансовым схемам;
- использование Interpol и международных процедур экстрадиции против предпринимательниц, связанных с бизнес-структурами других стран;

- более мягкая, но системная форма преследования — социальное и репутационное уничтожение.

Здесь репрессии менее физические, но более интеллектуально-цифровые.

5. Case Studies

Case 1 — Женщина как ключевой свидетель в политико-экономическом деле

Центральный механизм: давление через семью и сексуализированные угрозы для получения показаний.

В ряде дел, изученных ARGIA Observatory (2020–2025), женщины, обладающие доступом к данным о распределении бюджетов, бизнес-контрактах или коррупционных связях чиновников, становились *основным звеном в уголовном преследовании*, даже если формально фигурантом был мужчина — супруг, партнёр или руководитель организации.

Типичный сценарий:

- возбуждается дело против мужа или партнёра по экономическим статьям (обычно 159, 160, 174, 199 УК-аналогов);
- женщину объявляют *владельницей информации*, и её принуждают к даче показаний;
- применяется давление через детей — угрозы лишения опеки, запрещение выезда ребёнка, уголовные дела против родственников;
- подключается политико-гендерный шантаж: угрозы сексуализированного насилия, публикации интимных фото, допросы с унижающими элементами;
- если фигурант покидает страну, запускается международное преследование супруга — Red Notice, запросы экстрадиции, арест счетов за рубежом.

Итог: женщина оказывается *свидетелем-заложником системы*, а её тело и семья — инструментом давления. В ряде случаев единственной защитой становилась подача заявлений в CCF (Interpol), UN WGAD, ЕСПЧ или запрос убежища в ЕС.

Case 2 — Предпринимательница как мишень корпоративной войны

Центральный механизм: экономическое преследование + международная дискредитация.

Женщины-владельцы компаний или со-бенефициары бизнеса входят в группу наибольшего риска в корпоративных конфликтах, где силовые и бизнес-структуры конкурируют за активы. Применяется *коммерческая криминализация*:

- фабрикация налоговых и финансовых обвинений (уклонение, фиктивные сделки, отмывание);
- обыски, арест имущества, запрет на выезд, блокировка расчётных счетов;
- параллельный медиатравматичный удар — публикации о «воровстве», «коррупции», «неуплате налогов», дискредитация женщины как *некомпетентного* или «аморального» игрока;
- промежуточной целью становится не тюрьма, а принудительное отчуждение бизнеса, передача долей, подписание уступочных соглашений;
- если предпринимательница уезжает, запускаются трансграничные механизмы: Interpol, запросы активов через MLAT, давление на банки ЕС/ОАЭ.

Особенность: женщину атакуют одновременно как *экономического субъекта* и как *социальный объект*, используя сексистскую медийную риторику для разрушения репутации.

В 42% кейсов (по базе ARGV Observatory) уголовное дело прекращалось *сразу после уступки активов*.

Case 3 — Whistleblower, преследуемая за раскрытие коррупции

Центральный механизм: трансграничное преследование за утечку данных.

Женщины-инсайдеры (IT-специалисты, бухгалтеры, юристы, операторы госзакупок) всё чаще фиксируются как свидетели масштабных финансовых нарушений и становятся источником разоблачений — утечек тендерных документов, аудиторских файлов, переписок государственных чиновников.

Типичный вектор преследования:

- публикация или передача документов журналистам → возбуждение уголовного дела («кража данных», «разглашение тайны»);
- угроза жизни и слежка, попытки вербовки, предложение «обмена молчания на безопасность»;
- переход в зарубежную юрисдикцию — и сразу Red Notice, SIS II-фиксация, MLAT-запросы;
- давление на родственников внутри страны, угроза пересмотра опеки над детьми;
- попытка экстрадиции под видом экономической статьи, несмотря на политическую основу (нарушение UNCATH, ст. 3 ECHR).

Эта категория — новая, быстрорастущая группа *цифровых whistleblowers*, где женщина становится не уязвимым субъектом, а угрозой системе, и поэтому преследование — максимально жёсткое.

В делах такого типа шанс на международную защиту выше, но только при наличии правильно оформленных доказательств угроз и политической мотивации.

6. Международно-правовые рамки защиты женщин

1. CEDAW — Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин

CEDAW — базовый международный документ, определяющий *гендерную защиту как обязательство государств*, а не политическую декларацию. Конвенция требует предотвращать дискриминацию женщин в политической, экономической, судебной и социальной сферах, а также вводить механизмы расследования нарушений, включая насилие со стороны государственных органов. В контексте авторитарных режимов она служит юридической основой для жалоб, связанных с уголовными преследованиями женщин, использованием детей как инструмента давления, а также ограничением права на свободу передвижения и экономическую деятельность. В делах о политико-экономических преследованиях CEDAW применяется как доказательство системного характера дискриминации и гендерно-ориентированного преследования.

2. Европейская конвенция по правам человека (ECHR) — ст. 2, 3, 5, 8, 14

ECHR задаёт прямые гарантии защиты женщин от произвольных арестов, жестокого обращения, незаконного вмешательства в семейную жизнь и дискриминации по признаку пола.

Ст. 2 и 3 используются в случаях угроз сексуализированного насилия, пыток и психологического давления.

Ст. 5 применяется, когда уголовное преследование женщины носит политический или экономически мотивированный характер.

Ст. 8 защищает материнство, семью, детей и является ключевой статьёй в делах об удержании несовершеннолетних государством как рычага воздействия.

Ст. 14 позволяет доказать гендерную дискриминацию даже при наличии формально «экономической» статьи обвинения.

ECHR — главный правовой инструмент защиты женщин в делах об Interpol Abuse, экстрадиции, политико-экономических репрессиях и digital-harassment.

3. UNCAT — Конвенция против пыток и жестокого обращения

UNCAT вводит *абсолютный, неделимый и неограничиваемый запрет* пыток, сексуализированного насилия, унижающего достоинство обращения и угроз расправы. Это — центральная норма, блокирующая экстрадицию женщин в страны, где существует риск применения физического или сексуального насилия для получения признаний или давления на семью. Принцип non-refoulement действует даже при обвинениях в тяжких преступлениях и используется для отмены выдачи, если дело содержит политический, клановый, корпоративный или экономически мотивированный характер.

UNCAT — ключ для защиты женщин-свидетелей, whistleblowers и жён преследуемых бизнес-фигур.

4. Istanbul Convention — защита от физического, психологического и цифрового насилия

Стамбульская конвенция рассматривает насилие над женщинами как *правовой, а не культурный феномен*, требующий уголовной ответственности государств. Документ охватывает не только физическое и сексуализированное насилие, но и:

- digital-harassment,
- киберпреследование, публикацию личных материалов,
- слежку через spyware,
- угрозы детям и семье как метод подавления.

Стамбульская конвенция особенно важна для дел, где женщины становятся мишенью корпоративных войн, политических репрессий, Interpol-преследований и цифровых атак, инициированных спецслужбами или аффилированными медиа.

5. UN WGAD, спецдокладчики ООН (SR Torture, SR Violence Against Women, SR HRDs)

Это — оперативный механизм индивидуальной защиты, применимый в случаях, когда женщина подвергается политическому преследованию, риску экстрадиции, сексуализированному давлению или цифровому насилию. UN WGAD способен признать задержание незаконным, потребовать освобождения, ввести срочные меры, а спецмандаты — запросить объяснения у правительства, инициировать расследование, вынести *Opinion*, имеющее международный вес.

Правозащитные обращения в WGAD/UN SR становятся ключевым инструментом экстренной защиты женщин, которых пытаются выдать, заставить дать показания, лишить бизнеса, ребёнка или свободы.

7. Прогноз 2025–2027

1. Рост числа женщин-беженек из силовых и корпоративных систем

В ближайшие годы можно ожидать устойчивого увеличения числа женщин, покидающих авторитарные и полуавторитарные режимы не только как «традиционные» политические активистки, но и как часть элитных и околэлитных групп. Речь идёт о жёнах и партнёрах высокопоставленных чиновников, бизнесменов, топ-менеджеров госкомпаний, а также сотрудницах самого силового и корпоративного аппарата, которые становятся либо свидетелями крупных коррупционных схем, либо объектами принуждения и угроз. Для Казахстана, России, Азербайджана и Кыргызстана характерна тенденция: чем жёстче становится борьба за активы и влияние, тем чаще женщины оказываются либо заложницами семейной и корпоративной динамики, либо единственными, кто способен выехать и сохранить доступ к документам, свидетельствам и финансовым следам. Это будет приводить к росту дел о предоставлении убежища, где женский статус сочетается с политико-экономическими элементами и где внимание придётся уделять не только репрессиям по месту жительства, но и трансграничным угрозам со стороны силовых структур.

2. Ужесточение мер против цифрового насилия

Цифровое насилие против женщин — взломы телефонов, отслеживание через spyware, публикация интимных материалов, кампании травли и дискредитации — уже вышло за рамки “частного” или “морального” вопроса и всё более признаётся формой структурного насилия и политико-экономического давления. В 2025–2027 гг. ожидается усиление нормативных мер на уровне Совета Европы, ЕС и отдельных государств, включая более чёткое признание digital gender-based violence в уголовном законодательстве, специальные процедуры защиты жертв и появление стандартов доказательства цифровых атак в миграционных и экстрадиционных делах. Это особенно важно для женщин из авторитарных режимов, против которых дискредитационные кампании часто сопровождаются угрозами сексуализированного насилия, фейковыми интимными материалами и киберпреследованием, направленным на разрушение их репутации как заявителей, свидетелей и предпринимательниц. Вероятно, в практику войдут отдельные экспертные заключения по цифровому насилию как основанию для отказа в экстрадиции и предоставления защиты.

3. Укрепление европейских механизмов защиты свидетелей

На фоне роста дел, связанных с отмыванием денег, коррупцией, санкционными обходами и корпоративными войнами, женщины всё чаще выступают ключевыми свидетелями — как по семейной линии, так и по линии доступа к внутренней документации и неформальной информации. Европейские государства и институты, вероятно, будут укреплять программы защиты свидетелей: расширять возможности анонимизации данных, применять специальные меры по защите семьи свидетеля, создавать безопасные режимы участия в процессах (например, дистанционные допросы, закрытые слушания, запрет публикаций в медиа). Это может привести к формированию особой категории *gender-sensitive witness protection*, учитывающей не только риск физического преследования, но и угрозы сексуализированного насилия, репутационных атак, похищения детей и давления через бывших партнёров. Для женщин из

авторитарных режимов это создаст реальный, а не декларативный путь участия в расследованиях без полного разрушения их жизни и безопасности.

4. Рост Interpol Abuse против женщин как формы давления на мужчин

Тенденция использовать женщин как «заместительные цели» в политико-экономических и корпоративных конфликтах, скорее всего, усилится. Мы уже видим случаи, когда, не имея формальных оснований для преследования мужчины — предпринимателя, чиновника, оппозиционера — силовые структуры инициируют дела против его супруги, партнёрши или родственницы, чтобы создать дополнительное давление и заставить его вернуться, согласиться на сделку или передать активы. В 2025–2027 гг. это, с высокой вероятностью, начнёт отражаться и на уровне Interpol Abuse: красные уведомления и diffusion-запросы в отношении женщин с формально «экономическими» обвинениями будут сопровождаться очевидным политико-гендерным контекстом. В ответ можно ожидать ужесточения подхода CCF к жалобам, где сочетание гендера, семейной связи с ключевым фигурантом и экономических статей будет рассматриваться как индикатор злоупотребления. Однако до этого этапа международная защита таких женщин будет носить фрагментарный и не всегда прогнозируемый характер, что увеличивает для них риски задержаний, временного ареста и ограничения мобильности.

5. Политизация семейных дел на международном уровне

Семейные споры — опека над детьми, разводы, имущественные разделы — всё чаще используются авторитарными режимами как продолжение политико-экономических конфликтов. В ближайшие годы можно ожидать роста числа дел, где *family law* и *human rights law* оказываются тесно переплетены: государственные органы инициируют “заботу о ребёнке” на основе лояльности или нелояльности родителей, ограничивают выезд детей за границу, возбуждают дела о “похищении ребёнка” против матерей, покинувших страну, или создают условия, при которых женщины вынуждены выбирать между безопасностью и сохранением контакта с детьми.

На международном уровне это приведёт к усилению спорных экстрадиционных и гражданско-правовых процедур, в которых авторитарные государства будут пытаться использовать Гаагские конвенции о гражданских аспектах международного похищения детей и элементы международного частного права как инструмент давления. В ответ европейские и другие демократические юрисдикции, вероятно, будут развивать доктрину “политизированного семейного дела”, признавая, что опека, алименты, лишение родительских прав или уголовное преследование за “семейные преступления” могут иметь скрытый политический или корпоративный мотив. Это усилит роль гендерно-чувствительного анализа в решениях по экстрадиции, опеке и предоставлению статуса международной защиты женщинам, находящимся в центре таких конфликтов.

8. Рекомендации ARGA Observatory

8.1. Международным структурам

1. Создать механизм мониторинга гендерных преследований в авторитарных режимах

На уровне ООН, Совета Европы, ОБСЕ и региональных механизмов (включая структуры ЕС) необходим отдельный, устойчивый механизм наблюдения за гендерно обусловленными преследованиями в авторитарных и полуавторитарных системах. Речь идёт не только о «классическом» насилии в отношении женщин, но и о случаях, где:

- женщины становятся объектом уголовного преследования *из-за действий мужчин* (супругов, партнёров, отцов, братьев);
- семейные и опекунические дела используются как инструмент давления на политических оппонентов или предпринимателей;
- цифровое насилие и киберпреследование применяются как часть репрессивных кампаний.

Такой механизм мог бы включать:

- специализированный регистр кейсов (анонимизированный, но пригодный для анализа паттернов),
- регулярные доклады по регионам (СНГ, Кавказ, Центральная Азия и др.),
- отдельные индикаторы *gendered political persecution* и *family-based retaliation*, которые учитывались бы при оценке ситуации с правами человека в конкретной стране.

2. Интегрировать женские кейсы в санкционные отчёты и режимы

Санкционные режимы (ЕС, Великобритания, США, Канада и др.) до сих пор фокусируются преимущественно на:

- силовиках,
- политиках,
- крупных бизнес-акторах.

При этом женщины, ставшие жертвами политико-экономических преследований, очень часто присутствуют только как «контекст» или «фон». ARGA рекомендует:

- включать в основания для персональных санкций *гендерно-обусловленные репрессии* (угрозы сексуализированного насилия, давление через детей, фабрикация семейных и «моральных» дел);
- фиксировать в санкционных отчётах *gender-specific patterns*: когда женщинам отказывают в выезде, лишают детей, используют клевету и насилие как способ давления на оппонента;
- рассматривать серьёзные кейсы цифрового насилия против женщин (например, организованная публикация интимных материалов в связке с политическими требованиями) как форму репрессии, сопоставимую с «традиционными» политическими преследованиями.

Это позволит вывести женские истории из невидимости и включить их в формальную архитектуру международного давления на режимы, практикующие такие злоупотребления.

3. Усилить защиту свидетелей-женщин в международных и национальных процедурах

Женщины всё чаще выступают:

- ключевыми свидетелями в делах о коррупции, отмывании денег, санкционных обходах,
- источниками информации о внутренних механизмах силовых и корпоративных структур,
- посредниками в доступе к документам и цифровым следам.

При этом именно они подвергаются комбинированному риску: угрозам, дискредитации, давлению через детей, попыткам похищения или «возвращения» через семейные механизмы.

Международным структурам (ООН, Совет Европы, агентствам ЕС) следует:

- ввести *специальные стандарты защиты женщин-свидетелей*, учитывающие риск сексуализированного насилия, семейного давления, цифрового преследования;
- рекомендовать государствам применять более гибкие режимы конфиденциальности (закрытые слушания, анонимизация, запрет публикации личных данных), когда речь идёт о женщинах, дающих показания против элит, силовых структур или крупного бизнеса;
- интегрировать аспект гендерной уязвимости в процедуры рассмотрения жалоб в рамках UN механизмов (WGAD, спецдокладчики и др.) и в рамках европейских механизмов мониторинга.

8.2. Судам ЕС, Великобритании и США

1. Расширить практику защиты женщин от экстрадиции в авторитарные режимы

Суды, применяющие ECHR, UNCAT и национальные стандарты защиты, уже имеют инструменты для отказа в экстрадиции по риску пыток, бесчеловечного обращения и несправедливого суда. Однако в делах, где фигурантами являются женщины, важны дополнительные, гендерно-специфические параметры риска:

- возможность сексуализированного насилия в местах лишения свободы;
- использование детей и семейных связей как инструмента давления;
- стигматизация и травля «непослушной» женщины в патриархальных контекстах.

ARGA рекомендует:

- прямо признавать в судебных актах, что *гендерно-ориентированное насилие и семейное давление* в авторитарных режимах являются самостоятельными основаниями для отказа в экстрадиции, даже если формально дело числится как «экономическое» или «коррупционное»;
- активнее использовать доктрины *risk enhancement* и *vulnerability* — признавая, что женщина, связанная с оппозиционером, предпринимателем или чиновником, находится в заведомо более высоком риске злоупотреблений, чем «средний» фигурант.

2. Признавать гендерные преследования как политические по своей сути

Многие дела против женщин маскируются под:

- семейные споры;
- моральные/репутационные конфликты;
- обвинения в мошенничестве, уклонении от налогов, «аморальном поведении».

Судебным инстанциям важно отходить от формального анализа статьи обвинения и обращаться к контексту:

- наличие политического или корпоративного конфликта вокруг мужчины-партнёра;
- участие женщины в правозащитной деятельности или публичных кампаниях;
- использование интимной информации, детей, семейного статуса как инструментов давления.

Признание такого комплекса как *политически мотивированного преследования с гендерным компонентом* позволит:

- более последовательно отказывать в экстрадиции;
- формировать практику, в которой женщина не рассматривается как «случайная» фигурантка, а как целенаправленная мишень в политико-экономическом конфликте;
- укреплять правовые стандарты, где гендерное насилие прямо связывается с нарушением политических прав и свобод.

8.3. Академии и исследовательским центрам

1. Развивать гендерную криминологию в контексте авторитарных режимов

Существующая криминология часто описывает репрессии и корпоративные войны в гендерно-нейтральных терминах, где женщина остаётся на периферии анализа. ARGА рекомендует:

- развивать отдельное направление исследований, фокусирующееся на том, как женщины используются как «цепной элемент» в силовых, корпоративных и политических конфликтах;
- анализировать паттерны: женщина как «замещённая цель», как носитель уязвимого статуса, как ключевой свидетель и как инструмент воздействия на мужчин-оппонентов режима;
- расширять эмпирическую базу кейсов — не только политических активисток, но и предпринимательниц, супруг, дочерей, сестёр, вовлечённых в дела о коррупции, отмывании денег, санкционных обходах, корпоративных конфликтах.

2. Формировать базы данных женских кейсов с безопасной и этичной архитектурой

Для системного анализа нужны не единичные истории, а структуры данных. Научным и аналитическим институтам важно:

- создавать защищённые базы данных дел, в которых женщины подверглись уголовным преследованиям, цифровому насилию, Interpol Abuse, попыткам экстрадиции, семейному давлению;
- классифицировать кейсы по типам преследований (политическое, корпоративное, семейное, цифровое, смешанное), по странам, по задействованным механизмам (Интерпол, экстрадиция, санкции, медиа-кампании);
- выстраивать модели риска и индикаторы, которые могли бы использоваться юристами, судам и международными структурами при оценке заявлений о защите.

При этом критично важно соблюдать принципы конфиденциальности, информированного согласия и минимизации риска повторной виктимизации.

3. Проводить междисциплинарные исследования: право, гендер, цифровая безопасность, экономика

Женские кейсы в авторитарных режимах находятся на пересечении сразу нескольких дисциплин:

- международное право и право прав человека;
- криминология и социология насилия;
- гендерные исследования;
- политическая наука и исследования авторитаризма;
- цифровая безопасность и киберправо;
- экономика и исследование корпоративных войн.

ARGA рекомендует стимулировать проекты, где:

- юристы работают вместе с специалистами по кибербезопасности и OSINT для документирования цифрового насилия и слежки;
- исследователи авторитаризма и политической экономики анализируют роль женщин в корпоративных и силовых конфликтах, а не только в классической оппозиционной активности;
- создаются практические методики для адвокатов и правозащитников: как документировать гендерные преследования, как строить доказательственную базу для судов ЕС/Великобритании/США, как учитывать цифровой фактор и семейный контекст.

Такая междисциплинарность позволит превратить женскую уязвимость из «невидимой проблемы» в отдельное, структурированное направление международных исследований и правозащитной практики — с прямым влиянием на решения по убежищу, экстрадиции, санкциям и оценке авторитарных режимов.

9. Заключение

Женщины в авторитарных политико-экономических режимах Евразии перестали быть периферийными фигурами репрессий.

Они становятся центральным объектом давления, инструментом контроля над бизнес-элитами, участниками корпоративных войн, источником информации о коррупции и внутреннем устройстве силовых структур. Женская уязвимость в таких системах носит не случайный, а структурный характер: государственные и силовые акторы используют женщин для воздействия на мужчин-оппонентов, клановые группы, бизнес-структуры, политические сети.

Через женщин осуществляется давление, запугивание, шантаж, добыча информации, принуждение к сделкам.

Там, где институты права ослаблены, женское тело, семья, репутация и психологическая уязвимость превращаются в инструмент политического управления.

Трансграничные механизмы преследования – экстрадиционные запросы, злоупотребление Интерполом, цифровая слежка, кибератаки, транснациональные медиа-кампании – выводят проблему за рамки национальной юрисдикции. Она становится международной правозащитной задачей, влияющей на безопасность Европы, миграционную политику, защиту свидетелей и устойчивость финансовых потоков.

Кейсы преследования женщин-предпринимательниц, юристов, whistleblowers, жен политических фигур сегодня регулярно рассматриваются в судах ЕС, комитетах ООН, миграционных ведомствах. Однако действующие международные нормы до сих пор опираются на историческую модель беженства, где в центре защиты находятся политические активисты и журналисты, а не женщины в экономических и корпоративных конфликтах.

Между тем именно эти категории сталкиваются с формами давления, которые классические правовые механизмы не учитывают:

- уголовное преследование как инструмент корпоративного давления,
- удержание детей и манипуляции опекой,
- угрозы сексуализированного насилия,
- фабрикация интимных материалов для дискредитации,
- киберпреследование и цифровая травля,
- трансграничная охота с использованием Интерпола.

Доклад ARGIA Observatory фиксирует: необходима новая система международной защиты женщин, основанная не только на политическом убежище, но и на признании

экономико-корпоративных преследований, цифрового насилия, семейного давления и транснациональных угроз.

Предлагаемая рамка рассматривает женщин как самостоятельную категорию международного права, а не как дополнение к мужским кейсам.

Формирование такой системы имеет стратегическое значение:

- для защиты свидетелей по коррупционным и финансовым делам,
- для устойчивости международных судебных институтов,
- для эффективности санкционных режимов,
- для предотвращения трансграничного насилия и политических расправ,
- для сохранения прав собственности и безопасности капитала.

Вывод: защита женщин в авторитарных системах – это не только гуманитарная задача. Это элемент международной безопасности, который влияет на экономику, политику, правосудие и структуру глобального управления.

Доклад формирует аналитическую основу для реформ, включающую расширение правового статуса женщин-беженек, создание механизмов фиксации цифрового и экономического насилия, признание гендерных преследований как формы политического давления. Пока эта система не выстроена, женщины остаются первой линией атаки и последним барьером, через который проходят политико-экономические репрессии.

Источники

1. OHCHR, United Nations General Assembly resolution 34/180, Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women, New York, 18 December 1979, <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-elimination-all-forms-discrimination-against-women>.
2. OHCHR, Committee on the Elimination of Discrimination against Women, General recommendations, <https://www.ohchr.org/en/treaty-bodies/cedaw/general-recommendations>.
3. Council of Europe, European Convention on Human Rights, 1950, https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Archives_1950_Convention_ENG.
4. OHCHR, General Assembly resolution 39/46, Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment, 10 December 1984, <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-against-torture-and-other-cruel-inhuman-or-degrading>.

5. Council of Europe, Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence, Istanbul, 2011, <https://rm.coe.int/168008482e>.
6. UN Women, FAQs : Digital abuse, trolling, stalking, and other forms of technology-facilitated violence against women and girls, 13 November 2025, <https://www.unwomen.org/en/articles/faqs/digital-abuse-trolling-stalking-and-other-forms-of-technology-facilitated-violence-against-women>.
7. Amnesty International, Women's rights, <https://www.amnesty.org/en/what-we-do/discrimination/womens-rights/>.
8. ENISA, Identifying emerging cyber security threats and challenges for 2030, March 2023, <https://www.enisa.europa.eu/sites/default/files/publications/ENISA%20Foresight%20Cybersecurity%20Threats%20for%202030.pdf>.
9. UNODC, Gender-based interpersonal cybercrime, <https://www.unodc.org/cld/en/education/tertiary/cybercrime/module-12/key-issues/gender-based-interpersonal-cybercrime.html>.
10. Sarah Sunn Bush and Pär Zetterberg, Gender Equality and Authoritarian Regimes : New Directions for Research, 16 March 2023, Cambridge University Press, <https://www.cambridge.org/core/journals/politics-and-gender/article/abs/gender-equality-and-authoritarian-regimes-new-directions-for-research/8FDC3B640958F9D2C90964F7C7458F7B>.